

УДК 101.1:316

АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ALTER EGO РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Я.А. Лонский

Российская открытая академия транспорта Московского государственного
университета путей сообщения

Атеистический экстремизм является оборотной стороной экстремизма религиозного, использует те же методы борьбы за власть, умы и сердца, однако противопоставляет себя религии и религиозным институтам. Атеистический экстремизм – тоталитарное явление, которое пытается трансформировать сложившиеся устои и ценности (формы общественного сознания), исходя из собственных мировоззренческих ориентиров (картина мира, ценности, идеалы), направленных на полное или частичное искоренение в обществе религиозного сознания, религиозных институтов, всех элементов религиозного культа. Крайней формой проявления атеистического экстремизма является террор – уничтожение целых классовых групп, не поддерживающих политику власти, исповедующей атеистическое мировоззрение.

Ключевые слова: религиозное сознание, атеизм, религиозный экстремизм, атеистический экстремизм, террор, секуляризация.

В самом широком смысле слово «экстремизм» (лат. *extremus* – крайний) означает приверженность в политике или идеологии крайним взглядам и действиям [1]. Иными словами, экстремист – это сторонник крайних взглядов и убеждений, пытающийся утвердить их в обществе радикальным путем. Экстремистской деятельности свойственны насильственные меры отстаивания своих взглядов, агрессия и жестокость, которая вызвана нетерпимостью к другим взглядам. Экстремизм можно классифицировать как по сферам жизни, так и по формам общественного сознания: экономический, политический, религиозный, экологический, националистический и т. д. Однако сегодня мало кто говорит об атеистическом экстремизме как противоположной стороне экстремизма религиозного.

Для того чтобы определить связь этих двух видов экстремизма, необходимо вникнуть в содержание понятия «атеизм», трактуемого как безбожие (греч. *atheos* - отрицание бога), как мировоззрение, отвергающее религию, т.е. веру в существование сверхъестественного мира (богов, духов, бессмертия души и т. д.) [2]. История философии дает примеры атеистического мировоззрения на разных этапах. Так, в эпоху античности такое мировоззрение было характерно для философов, пытавшихся дать ответы на основополагающие вопросы человеческого бытия, исходя из материальной первоосновы мироздания (натурфилософы, Левкипп, Демокрит, Эпикур и др.). В эпоху Нового времени с развитием естествознания наука стала объяснять законы окружающего мира вопреки религиозным представлениям (Дарвин, Бруно, Коперник). Философы французского Просвещения (Руссо, Гольбах, Гельвеций, Ламетри и др.) весьма критично рассуждали о религиозных догматах и самом религиозном институте. Так, Гольбах писал: «Народ не знает предела жестокости, когда он считает, что эта жестокость угодна богу, когда ему внушают, что любое злодеяние может быть узаконено, раз оно необходимо божь-

ственному промыслу... Все религии мира допускали бесчеловечные злодеяния. Иудеи, одурманенные обещаниями своего бога, присвоили себе право истреблять целые народы. Римляне, основываясь на пророчествах своих богов, не хуже вандалов захватили и разорили чуть ли не всю землю. Арабы, вдохновлённые своим божественным пророком, огнём и мечом обращали в свою веру и христиан и язычников. Христиане под предлогом распространения своего вероучения сотни раз заливали потоками крови оба полушария» [3, с. 17]. Французские материалисты, в свою очередь, предвосхитили атеистическое учение К. Маркса и Ф. Энгельса, считавших религию лишь средством угнетения народов.

Особое место проблема неверия, атеизма, духовно-нравственного упадка общества рассматривалась русскими религиозными философами XIX – первой половины XX в., усматривавшими в атеизме разновидность веры, так как в ней присутствуют те же установки, что и в религии. Так, Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» словами князя Мышкина дал характеристику русских атеистов: «Атеистом же так легко сделаться русскому человеку, легче чем всем остальным во всем мире! И наши не просто становятся атеистами, а непременно уверуют в атеизм, как бы в новую веру, никак и не замечая, что уверовали в нуль» [4].

С.Н. Булгаков считал атеизм религией человекобожия [5], а основателя марксизма рассматривал как религиозный тип [6]. Н.А. Бердяев писал о том, что зачастую религиозность русского человека резко переходит в воинствующий атеизм, а слепая покорность власти – в анархизм, желание до основания разрушить существующие порядки [7]. Луначарский ещё в 1908 г. трактовал научный социализм как религиозное верование, как учение о богостроительстве и утверждал, что социал-демократ – «самый глубоко религиозный человек» [3, с. 94].

Теперь перейдём к определению понятия религиозного экстремизма, а затем дадим авторское определение экстремизма атеистического.

Со второй половины XX в. общество все чаще сталкивается с явлением религиозного экстремизма. Мировые СМИ говорят о нем как о новой угрозе безопасности, а преодоление экстремистских проявлений является одной из главных целей государственной политики по обеспечению национальной безопасности страны. Феномен религиозного экстремизма вызывает немало спорных вопросов и дискуссий в политических, философских, юридических и религиоведческих кругах. И действительно, религиозный экстремизм выступает в качестве деструктивного социального явления, ставящего под угрозу безопасное существование отдельных государств, а также мирное и стабильное развитие общества. Более того, в настоящее время религиозный фактор становится решающим в формировании как индивидуальной, так и общественной ментальности, влияя на становление идеологической доминанты, моральных и правовых норм, социальных институтов российского общества. Поэтому государство всё больше внимания уделяет развитию религиозной сферы в обществе, осознавая её важность и воздействие на политическую, идеологическую, нравственную, воспитательную, образовательную области общественной жизни.

По нашему мнению, одно из самых удачных определений религиозного экстремизма дали современные политологи А.А. Нуруллаев и Ал.А. Нуруллаев. Они полагают, что вместо укоренившегося понятия «религиозный экстремизм» корректнее употреблять понятие «религиозно-политический экстремизм», поскольку главная цель экстремистов – изменение политической ситуации под прикрытием религиозных лозунгов. Авторы определяют религиозно-политический экстремизм как «религиозно мотивированную или религиозно камуфлированную деятельность, направленную на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности

государства, на создание незаконных вооруженных формирований, возбуждение религиозной или национальной вражды и ненависти. Религиозно-политический экстремизм тесно связан с массовым нарушением прав человека. Он несет угрозу национальной безопасности различных государств, способствует обострению межнациональных отношений» [8]. Иными словами, данный вид экстремизма направлен на завоевание власти, установление иного порядка в государстве с использованием религиозных лозунгов и постулатов в качестве инструмента. Сторонники религиозно-политического экстремизма отличаются крайней нетерпимостью по отношению ко всем, кто не разделяет их политических взглядов, включая единоверцев.

Атеистический экстремизм, являясь оборотной стороной экстремизма религиозного, использует те же методы борьбы за власть, умы и сердца, однако противопоставляет себя религии и религиозным институтам. По нашему убеждению, атеистический экстремизм представляет собой тоталитарное явление, которое пытается трансформировать сложившиеся устои и ценности (формы общественного сознания), исходя из собственных мировоззренческих ориентиров (картина мира, ценности, идеалы), направленных на полное (или частичное) искоренение в обществе религиозного сознания, религиозных институтов, всех элементов религиозного культа; крайней формой проявления атеистического экстремизма выступает террор (уничтожение целых классовых групп, не поддерживающих политику власти, исповедующей атеистическое мировоззрение).

О таком широкомасштабном социокультурном явлении как атеизм можно говорить с того момента, когда идеи К. Маркса и Ф. Энгельса были преобразованы в практическую плоскость. Маркс считал, что религия является опиумом для народа и представляет собой социальный феномен, вписывающийся в систему социально-экономических отношений. В.И. Ленин письме к М. Горькому придал этому суждению большую эмоциональность: «Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, ...самая опасная мерзость, самая гнусная “зараза”... Всякий человек, занимающийся строительством бога или даже только допускающий такое строительство, оплевывает себя худшим образом, занимаясь вместо “деяний” как раз самосозерцанием, самолюбованием, причем “созерцает”-то такой человек самые грязные, тупые, холопские черты или черточки своего “я”, обожествляемые богостроительством» [9]. После победы большевизма в России можно говорить о начале проявления социально-классового терроризма. Здесь субъектом, осуществляющим террор, становятся не только органы государственной власти, но и политическая система в целом.

Говоря о государственно-церковных отношениях, сложившихся в Российском государстве с начала принятия христианства и вплоть до 1917 г., необходимо учитывать и тот факт, что государственность на протяжении этого времени (более 900 лет) испытывала на себе духовное влияние православия, которое стало цивилизационно-культурным звеном, связывающим церковь и государство. Власть русского монарха была освящена церковью, а сам царь почитался в народе помазанником Божьим. Поэтому модель взаимоотношений церкви и государства называлась симфонией – состоянием сплоченности, дополнения и согласия. На протяжении истории институт церкви оказывал огромное влияние на общественно-политическую и культурную жизнь страны, имел в своём распоряжении много земель и богатств. Однако возросший авторитет церкви создавал конкуренцию светской власти, и в Петровскую эпоху церковь была фактически обезглавлена, утратив институт патриаршества, замененного Святейшим Синодом, напрямую с подчиненным императору. Это был один из сильнейших ударов, нанесённых церкви государством в истории России до советского периода.

Низведение церкви до чиновничьей организации в XIX в., послереволюционные декреты об отделении церкви от государства в веке двадцатом породили в философском сообществе дискуссии о последствиях такой активной секуляризации.

Так, Вл. Соловьёв писал: «Отделённое от Церкви государство совсем отказывается от духовных интересов, лишается высшего освящения и достоинства и вслед за нравственным уважением теряет и материальную покорность» [10, с. 24]. Не менее категорично высказался по поводу отделения государственной власти от православных начал святитель Феофан Затворник: «Когда же царская власть падёт и народы всюду заведут самоуправство (республика, демократия), тогда антихристу действовать будет просторно. Сатане не трудно будет подготавливать голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции» [там же, с. 25].

Другой видный философ Н.А. Бердяев уже в эмиграции в Париже пишет работу «Истоки и смысл русского коммунизма». На примере В.Г. Белинского философ хотел понять, что движет русскими мыслителями, которые в одночасье превращаются в революционеров, атеистов и социалистов. Бердяев приходит к выводу, что «истокom этого атеизма было сострадание к людям, невозможность примириться с идеей Бога ввиду непомерного зла и страданий жизни. Это атеизм из морального пафоса, из любви к добру и справедливости» [11]. А С.Л. Франк в сочинении «Религиозно-исторический смысл русской революции», рассуждая о причинах революции, делал акцент на некритичном восприятии русской интеллигенцией западных идей. При этом русская революция представляется необратимым логическим итогом духовных преобразований на Западе, протекавших в течение четырёхсот лет, которые в России произошли в одночасье [12].

Идея избранности Русского государства в качестве Третьего Рима, а вместе с ней идеологема «Православие, Самодержавие, Народность» канули в небытие. Вместе с установлением большевистской власти в стране началась борьба с тем духовным наследием, которое создалось в течение веков. Образовавшийся духовный вакуум спешно заполнялся идеями воинствующего материализма и атеизма, ставшими фактически новой религией.

Большевики, придя к власти, сразу же начали активно бороться с церковью, уничтожая храмы и монастыри, экспроприруя культурные религиозные ценности. Эта активность объясняется тем, что церковь воспринималась как хранительница многовековой духовной традиции, национального самосознания, идеологии, защитница традиционной системы ценностей. Вполне логично, что после свержения монархии церковь как правопреемница и хранительница вековых идеалов и моральных устоев монархии могла укрепить национальное самосознание православных христиан, повлиять на морально-психологическое единство российского общества, и направить его на борьбу с установившейся революционной властью.

Именно поэтому конкурентная борьба за умы и сердца русского народа новой атеистической власти в ее противостоянии с религией приобрела экстремистские черты. Если одной из целей религиозного экстремизма является установление идеальной религиозно-социальной модели (теократии), то атеистический экстремизм по отношению к религии (религиозным институтам, священнослужителям и культовым ценностям) ставит себя в оппозицию к ней, работая на её уничтожение, имея в распоряжении достаточно богатый арсенал методов (расстрелы священнослужителей, вскрытие мощей святых угодников, изъятие из храмов ценностей и т. д.).

Последовавшие за этим протесты верующих граждан подвигли В.И. Ленина направить членам Политбюро секретное письмо: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не ты-

сячи трупов, мы можем провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо не в состоянии поддержать горстку черносотенного духовенства» [13]. И подводил итог: «Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать» [13]. Итак, участь религии (и церкви как ее института) была решена: расстрелы, террор по отношению к духовенству.

По всей стране в 1922–1923 гг. прокатилась волна арестов и судов над духовенством и верующими. Арестовывали за утаивание церковных и богослужебных ценностей и за протесты против изъятий. Так, по мнению церковного историка Владислава Цыпина, около десяти тысяч представителей православного духовенства оказались в числе жертв Гражданской войны [14].

Становится очевидным, что первоочередной задачей большевиков было уничтожение именно национальной церкви как духовного оплота жизни православного народа. Для закрепления успехов в этой борьбе революционная власть попыталась уничтожить церковь изнутри, арестовав патриарха, ликвидировав Святейший синод ВЦС и организовав «обновленческий раскол».

С.П. Мельгунов в книге «Красный террор в России», которую выпустил по горячим следам в 1924 г., видя сущность террора именно в системе, а не в насилии самом по себе, писал: «...моральный ужас террора, его разлагающее влияние на человеческую психику в конце концов не в отдельных убийствах, и даже не в количестве их, а именно в системе». Автор говорит о цинизме в казнях, разнузданности палачей, ущемлении буржуазии, анонимных убийствах, в массовом порядке происходивших задолго до 1937 г., оставившего кровавый след в русской истории. Он ссылается на книгу А.З. Штейнберга (секретаря Вольной философской академии) «Нравственный лик революции» (1923), в которой тот писал: «Террор – это убийство, пролитие крови, смертная казнь. Но террор не только смертная казнь, которая ярче всего потрясает мысль и воображение современника... Формы террора бесчисленны и разнообразны, как бесчисленны и разнообразны в своих проявлениях гнёт и издевательство... Террор это – смертная казнь везде, во всем, во всех его закоулках...» [15]. В качестве формы организованного террора могут рассматриваться и сталинские репрессии, пик которых приходится на середину тридцатых годов XX в. Репрессии стали практической реализацией сталинского тезиса об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму».

При этом возникает закономерный вопрос о причинах отказа русского народа, некогда обожествлявшего царя, с почтением относившегося к вере предков, к самому институту церкви, от духовных ценностей. Н.А. Бердяев объясняет это склонностью русского человека к крайностям, отсутствием у него чувства меры, вследствие чего религиозность русского человека резко переходит в воинствующий атеизм, слепая покорность и некое трепетное обожествление власти – в анархизм, в желание до основания разрушить существующие порядки во имя приверженности каким-либо идеалам. Бердяев говорит и о свойственном русскому сознанию догматизме, проявляющемся в не критическом восприятии некоторых идей. По словам мыслителя, даже материализм, основанный на естественнонаучных знаниях, воспринимался в России не как научно-философская теория, а как религиозная доктрина. Это в значительной мере обусловило радикализм решения социальных вопросов.

Революция, приход к власти большевиков, события Гражданской войны и красного террора, невольно заставляют вспомнить героя романа Ф.М. Достоевского «Бесы» Шигалева – революционера-террориста. Его программу вполне можно квалифицировать как террористическую, хотя в романе термин «террор» не употребляется: «Каждая из действующих кучек, делая прозелитов и распространяясь боковыми отделениями в бесконечность, имеет в задаче систематическую обличительную пропагандой непрерывно ронять значение местной власти, произвести в селениях недоумение, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя пожарами, как средством народным по преимуществу, ввергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние» [16].

Как итог – беспрестанная борьба церкви за само существование в течение всего советского периода. Государство пыталось вытеснить религию не только из общественной, но и из частной жизни, несмотря на конституирование свободы совести. Конфликт между советской властью и Русской православной Церковью принимал формы, по масштабам превосходящие обычное в мировой политике подавление оппозиции, и напоминал скорее религиозный конфликт, подобный борьбе Римской империи с первыми христианами или Первой республики во Франции с католической церковью. Вызов со стороны атеистического экстремизма являлся серьезнейшим событием XX в., полностью не преодоленным до сих пор.

Список литературы

1. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 124 с.
2. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. 2004. 1072 с.
3. Носков Ю.Г. Религиозный фактор и духовная безопасность. М.: Издательство Военного университета, 2000. 123 с.
4. Достоевский Ф.М. Идиот. СПб.: Азбука, 2013. 568 с.
5. Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Издательство РХГИ, 1997. С. 15–50.
6. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: Издательство РХГИ, 1997. С. 51–70.
7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб.: Азбука, 2016. С. 40–65.
8. Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А. Религия и политика. М.: КМК, 2006. 124 с.
9. Ленин В.И. Письмо Горькому. [Электронный ресурс]. URL: <http://libelli.ru/works/48-1.htm> (дата обращения: 20.02.2017).
10. Регельсон Л. Трагедия Русской церкви (1917–1945). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье. 1996. 648 с.
11. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. [Электронный ресурс]. URL:

- http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1937_042_2.html (дата обращения: 20.02.2017).
12. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/frank_smisl_revolucii (дата обращения: 20.02.2017).
 13. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. М.: Пропилеи, 1995. Кн. 1. 400 с.
 14. Цыпин В. История Русской православной церкви. Синодальный период. Новейший период. М.: МДА и С, 2004. 839 с.
 15. Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. М.: «РУИСО», 1990. 208 с.
 16. Достоевский Ф.М. Бесы. М.: Эксмо, 2014. 545 с.
 17. Бондарева Я.В. Развитие принципа синергии в учениях о преобразовании человеческого бытия (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вест. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2013. № 2. С. 5–10.

ATHEISTIC EXTREMISM AS AN ALTER EGO OF RELIGIOUS EXTREMISM

Y.A. Lonskiy

Russian Open Transport Academy of Moscow State University of Railway Engineering

Atheistic extremism is the reverse side of religious extremism. It uses the same methods of fighting for power and people's minds, and it goes in opposition to religion and religious institutions. Atheist extremism is a totalitarian phenomenon, which is trying to transform the existing principles and values (forms of social consciousness), with their own ideological views (values, ideals). It aims at the complete or partial abolishment of social religious consciousness, religious institutions and the religious cult elements. An extreme form of the atheistic extremism is terror - the destruction of class groups, who doesn't support the authorities in atheist policy.

Keywords: *religious consciousness, atheism, religious extremism, atheistic extremism, terror, secularization.*

Об авторе:

ЛОНСКИЙ Ярослав Александрович – ассистент кафедры философии, Российская открытая академия транспорта Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II, Москва. E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru

LONSKIY Yaroslav Alexandrovich – Ass. Prof., Russian Open Transport Academy of Moscow State University of Railway Engineering, Moscow. E-mail: Ya_Lonskiy@mail.ru